

Ю. Буйда Химич

Сергея Сергеевича Химича все считали очень нерешительным человеком, а некоторые вдобавок – человеком в футляре, вроде учителя Беликова из чеховского рассказа. Он едва-едва вытянул первый год в качестве штатного преподавателя химии, и в конце концов директор школы предложил ему прекратить мучить себя и учеников и перейти в лаборанты. Нисколько не обидевшись, но даже с радостью Сергей Сергеевич согласился и новый учебный год начал в примыкавшей к кабинету химии узкой комнате, уставленной шкафами, стеллажами и столиками, колбами, штативами и горелками. А учительское место заняла юная красавица гречанка Азалия Харитоновна Керасиди, в которую все сразу влюбились и между собой стали называть просто Ази. Гибкая, тоненькая, подвижная, смуглая, с изогнутыми, как ятаганы, темными бровями и темно-зелеными блестящими глазами, она отлично справлялась с учительскими обязанностями, заставив всех тотчас забыть об этом увальне и недотепе Химиче, который прославился медлительностью, нерешительностью, какой-то вязкостью, если даже речь шла о самых заурядных бытовых проблемках. Прежде чем ответить на вопрос, сколько будет дважды два, он и то держал паузу, задумчиво мычал и только после этого очень неуверенным тоном выдавливал из себя: "Пять".

Из дома в школу он в любое время года ходил одним и тем же однажды выбранным путем, хотя значительная часть его была ужасно неудобна: глинистая тропинка между оградями огородов и довольно глубоким оврагом, тянувшимся параллельно железнодорожной насыпи. Тропинка выводила к переезду, который для Сергея Сергеевича был мучительнейшей преградой на пути к школе. То и дело сверяясь с самодельным расписанием, он ждал, когда же пройдет московский скорый, чтобы, пропустив поток автомобилей, успеть юркнуть через переезд перед самым носом почто-во-багажного. Опоздать к началу урока или попасть под поезд – эту дилемму он решал ежедневно, обливаясь потом, нервничая и доводя себя до тяжелой головной боли и болезненной одышки. Но изменить однажды и навсегда избранный маршрут – это ему и в голову, видимо, не приходило.

Ази посмеивалась над его страстью к порядку в лаборатории. Ну, скажем, на колбе с соляной кислотой была наклеена большая квадратная бумажка с надписями одна под другой: "Кислота соляная", "Хлористоводо-родная кислота", "Раствор хлористого водорода в воде" и наконец – "HCl". Когда по плану урока на столах в кабинете появлялись газовые горелки, Сергей Сергеевич места себе не находил: он не только подробней-ше инструктировал учеников, как пользоваться опасным прибором, но и класса не покидал, пока не завершится опыт.

— Как бы чего не случилось? – подначивала его с улыбкой Ази.

В ответ он лишь пожимал плечами и отворачивался.

Однажды Ази попросила его принести что-то со школьного чердака. Сергей Сергеевич замер в нерешительности и наконец пробормотал:

- Да... но я никогда там не был... не люблю, заходить в незнакомые подвалы и на чердаки... извините, Азалия Харитоновна...

Ази расхохоталась и, махнув рукой, послала на чердак расторопного старшеклассника, которому завидовали все мальчишки, мечтавшие исполнить любое распоряжение, любую самонаименьшую просьбу красавицы Ази, даже если бы это было сопряжено со смертельным риском.

Тем же вечером она вошла в лабораторию, села на стул и, закинув ногу на ногу и закурив тонкую сигарету, кивнула на томик Чехова, лежавший между колбами и пробирками:

- Человек в футляре читает "Человека в футляре"? Вы извините, Сергей Сергеевич, но я слыхала, вас многие так называют...

- Глитай абож паук, – пробормотал он, продолжая при помощи ерша мыть колбу в раковине.

- Что? Какой паук? – растерялась Ази.

— Вы, наверное, давно не перечитывали этот рассказ, – сказал он.

Вытряхнув последнюю каплю из колбы и поставив ее в сушилку, он сел напротив Ази и, поправив очки, продолжал тем же бесстрастным тоном:

- Перечитайте, Азалия Харитоновна. Там краснощекие, чернобровые, вечно хохочущие здоровые люди зверски травят несчастного одинокого человека, который ничуть не лучше, но и ничуть не хуже их. Да, не лучше, но и не хуже. – Он помахал ладонью, отгоняя от лица табачный дым. – От скуки его пытаются женить на краснощекой, чернобровой хохлушке, брат которой ненавидит человека в футляре и сравнивает его с пауком – "абож паук". Между ними случается ссора, после которой человек в футляре умирает. – Сергей Сергеевич неторопливо открыл книгу, полистал, кивнул. – Вот послушайте:

"Признаюсь, – (это рассказчик истории говорит, не Чехов), – хоронить таких людей, как Беликов, это большое удовольствие". – Посмотрел на нее поверх очков и продолжал: – "Вернулись мы с кладбища в добром расположении. Но прошло не больше недели, и жизнь потекла по-прежнему, такая же суровая, утомительная, бестолковая..." Видите ли, человек в футляре оказался ни при чем. Поэтому... – Он

кашлянул и отвернулся. – Поэтому или не поэтому, все равно, но я прошу вас не называть меня человеком в футляре. И не лезть ко мне в душу, даже если вам вдруг стало скучно! – Посмотрел на нее в упор. – Я же не пристаю к вам, правда? Или я плохо работаю? Так и скажите. Но не лезьте, понимаете? – Он закашлялся, зажал рот платком и промычал: – Уходите, пожалуйста... Не надо... Не надо же! Прошу вас!

Ошеломленная Ази вскочила, отпрянула к двери, не спуская изумленного взгляда с Химича и не зная, куда сунуть погасшую сигарету, – вдруг, хлопнув дверью, бросилась бежать, опомнилась в тупике, резко обернулась – коридор был пуст. Она дрожала, хотелось плакать, хотелось вернуться к этому неуклюжему косноязычному очкарику и все-все ему объяснить... Но что объяснить? Такое с нею случилось впервые в жизни. Это было что-то загадочное, даже, может быть, неприятно-таинственное, тягостное, во всяком случае. Ази на цыпочках пробежала по коридору, спустилась во двор и, всхлипывая, помчалась домой.

Летом из-за болезни матери Ази не удалось поехать к морю, и она целыми днями пропадала на узких песчаных пляжах Преголи и Лавы, окруженная поклонниками, демонстрировавшими ей свои мускулы, умение плавать и бегать за мороженым.

Иногда все и вся ей надоедало, и она после завтрака отправлялась подальше от людных пляжей – на Детдомовские озера, где можно было бестревожно мечтать под тишайший шелест ивняков, сонно наблюдая за грубоватыми желтыми кувшинками, сбивавшимися в плоские стада на темной, почти черной поверхности воды. Озера тянулись вдоль Преголи цепочкой, соединяясь с рекой узкими кривыми протоками, скрытыми от глаз теми же густыми ивами.

Ази бродила от озера к озеру, собирая мелкие белые и голубые цветы, или лежала в высокой траве, глядя широко открытыми зеленовато-кариими глазами на небо, по фальшивой плоскости которого изредка проплывали кое-как вылепленные белые облака. Над нею с жестяным треском проносились стрекозы или бесшумные стайки бабочек-брюквенниц...

Добравшись до последнего озера, она увидела знакомую громоздкую фигуру Сергея Сергеевича, удившего рыбу с берега, и, поколебавшись, – а сколько времени прошло с того дня! – подошла и села рядом.

- Вот уж не думала, что вы страстный рыбак, – сказала она. – У вас такой хищный прищур, когда вы смотрите на поплавок...

- Я не люблю ловить рыбу, – с вялой улыбкой сказал Сергей Сергеевич. – Просто здесь хорошо сидится. Безлюдно, тихо, задумчиво. А иногда я просто ложусь в траву и сплю...

- Спите? Но... – Она вдруг запнулась, не зная, что тут можно сказать. – Это, наверное, хорошо...

Он с любопытством взглянул на нее и снова уставился на поплавок.

- В общем, да. Одно плохо: в сновидениях слишком много людей... в том числе неприятных, от которых невозможно избавиться, потому что таковы, видимо, законы сновидений... – Он тихо засмеялся. – Бог мой, какую я чушь несу, вы уж извините!

- Что вы, Сергей Сергеевич!

- Можете называть меня просто Химичем – я привык. – Пожал плечами. – В сновидениях ты вроде бы становишься свободным, абсолютно свободным, а на самом деле нет худшего рабства, чем сновидения с их людьми...

- Остается быть царем в жизни. – Ази вдруг испугалась, что он воспримет ее слова как намек. – Кажется, клюет!

- Нет, показалось. – Он снял соломенную шляпу и взъерошил соломенные волосы. – В жизни... с кем не хочется знаться – не знайся... Разве нет?

- А давайте искупаемся! – Ази вскочила и одним махом сбросила платье, оставшись в белом купальнике. – Давайте, не бойтесь!

Он усмехнулся:

- А я и не боюсь.

Она терпеливо ждала, пока он, по обыкновению своему не торопясь, снимет рубашку, брюки, носки. У него было плотное, полноватое белое тело с густыми рыжими волосами на груди, руках и ногах. В два прыжка он оказался у воды и с шумом обрушился в озеро.

Ази расхохоталась.

— Тюленище! – закричала она. – Сергей Сергеевич, вы тюленище!

Химич вынырнул и мощными гребками погнал свое тюленье тело вперед. Ази с удивлением следила за ним: такой стильный кроль она видела только по телевизору. Мужчина обогнул озеро, перевернулся на спину и в несколько толчков подплыл к берегу, уткнувшись макушкой в песок.

- Вот это класс! – сказала Ази, присаживаясь рядом с ним на корточки. – Где вы так научились?

Он выбрался на берег, тяжело дыша, вяло взмахнул руками.

- Я же родился на Волге, да еще и в спортшколу ходил несколько лет. А потом – бенц, и все. – Откинул волосы со лба, виновато улыбнулся девушке: – Сердце, видите ли... Из-за сердца даже в армию не взяли.

— Господи, так вам нельзя же! Я дура, Сергей Сергеевич!

Он с удивлением посмотрел на расстроенную девушку:

- Вы серьезно это? Бросьте, Ази, не надо. Считайте, что я вам ничего не говорил. Да и не рассказывайте про это никому, пожалуйста... Вы же хотели искупаться, Ази, так идите же, вода – чудо!

Она вдруг сообразила, что он впервые называет ее ласкательным прозвищем, а не по имени-отчеству, и чуть не разревелась.

Химич стоял перед нею в растерянности.

- Ази... Что-нибудь случилось? Опять я что-нибудь не так... Она замотала головой: нет.

- Хотите, я научу вас плавать по-настоящему? Нет? Ази... чего ж вы хотите?

- Не знаю... – Она села на песок, перевела дух. – А что еще вы видите во сне?

Он наморщил большой лоб.

- Рыбы снятся. С красивыми женскими животами. – Надел очки. – И много лишних людей. Так что же с вами, Азалия Харитоновна? – Голос его звучал доброжелательно, но суховато. – Чего вы хотите?

Она посмотрела на него с жалобной улыбкой:

- Поцелуйте меня, Сергей Сергеевич, пожалуйста. Не то я разревусь.

Она вернулась домой очень поздно, но мать еще не спала.

- Что с тобой, Ази? – Мать мучилась одышкой. – От тебя веет такой свежестью, как будто ты счастлива...

- А я и впрямь счастлива, ма! Я сегодня влюбилась, полюбила и стала женщиной!

Мать посмотрела на нее – Ази угадала ее взгляд в темноте.

- И кто же твой герой?

- Ма! Ты же сама сто раз говорила, что за героев только дуры выходят.

- Так вы еще и пожениться решили?

- Да. Он не герой, он – любимый, ма! Честное слово.

Их свадьба, конечно же, стала сенсацией для полусонного городка, прочившего Ази в мужья человека ну уж никак не ниже генеральского чина. А тут, подумать только, – невоеннообязанный, годный к нестроевой, как записано в его военном билете. В решении красавицы видели даже не каприз, но – темную тайну и уж никак не любовь.

И спустя годы – а прожили они вместе около шести лет – Ази каждый день открывала странного своего мужа, как неведомую, загадочную планету или страну – с городами и водопадами, ночными кошмарами и бездонными морями. Как большинству русских людей, мир представлялся Сергею Сергеевичу хаотическим сцеплением случайностей, и чтобы хоть как-то упорядочить мир и обезопасить себя и близких (через год у них родилась девочка), Химич прибегал одновременно к двум средствам – медлительности и воображению.

Он не торопился открыть дверь – не из страха или трусости – лишь потому, что пытался перебрать, кажется, все возможные варианты встречи с гостем или гостями: это могли быть соседи, птицы, Козебяка, Дон Кихот или преодолевшая тысячи километров и иссохшая за время пути кобра, утратившая яд и жаждавшая лишь покоя у ног последнего властелина...

Получив письмо, он не спешил распечатывать конверт, упорно стремясь предугадать содержание послания – каждое казалось ему некой вестью, иначе зачем бы кому-то тратить время и чернила? Сам он никому писем не писал, ибо, в чем он был убежден, не владел словом, которое помогло бы кому-нибудь в беде, исцелило душу, остановило злодея или вознесло праведника. Поначалу Ази это забавляло, но вскоре и она, словно заразившись от мужа, стала относиться к письмам, вообще к словам столь же бережно, пугая молчанием даже собственную мать.

- Может, тебе плохо? – тревожилась старая гречанка. – Ты стала такая молчаливая...

- И счастливая.

Мать лишь покачивала головой: бессловесное счастье – это было что-то новенькое в мире, зачатом в слове и словом.

Сергей Сергеевич по-прежнему много спал. Однажды он сказал Ази: "Во сне легче переносить счастье. – И с усмешкой добавил: – И потом, во сне я хуждею".

Он все чаще оказывался на больничной койке: давало знать о себе больное сердце. Однажды оно остановилось. Ази похоронила его с нераспечатанным письмом, подsunутым под скрещенные на груди руки. Это письмо написала она, узнав о его смерти. Никто не знает, что за весть она послала любимому

в вечность, но когда кто-то из коллег в учительской вполголоса предположил, что за миг до смерти Сергей Сергеевич думал не: я умираю или не умираю? – но: умирать мне или не умирать? – она вдруг стукнула кулаком по столу и закричала, вскинув лицо к потолку и срывая голос:

- Не смейте! Не смейте так! Вы его не знали и знать не хотели! А я знала... я знаю его! И ненавижу вашего Чехова! Не-на-ви-жу! Не-на-ви-жу...

Ален Боске

Представьте себе, что слова —
существа, подобные нам.
Слово «лошадь» встаёт по утрам
и пьёт кофе со сливками.
Слово «осень» в доме напротив,
стоя под душем,
вспоминает, что отпуск ещё не скоро.
А этажом ниже
слово «жасмин»,
собираясь на свидание
со словом «брюква»,
надевает свежую рубашку
и напускает на себя небрежный вид.
Слово «лебедь»
трудится в поте лица
ради куска хлеба,
ради куска неба.
Слово «прах»,
слово «сад»
и слово «изгнание»
вспоминают прошлое
и уповают на лучшие времена.
Слово «океан» —
пожалуй, единственное счастливое слово:
оно путешествует по свету,
окунаясь в жизнь,
как беззаботный дельфин.
Слово «любовь»,
кашляя, возвращается с работы
с разламывающейся поясницей
и без ужина ложится в постель.
Будьте милосердны к словам —
им не полагается пенсии...

На биржу труда
каждое утро приходят стихи,
достигшие среднего возраста,
и свои предлагают услуги.
Одни, например, могли бы выгуливать юные луны
в сентиментальных садах.
Другие камням рассказывать сказки
или склеивать сновиденья, расколовшиеся
от капризов детей,
которых мамы выдают воскресным отцам.
Третьи даже берутся реставрировать вздохи любви.
Каждый вечер стихи
пополняют ряды безработных.

«Я создал яблоко, —
говорит Бог, —
и одновременно
сотворил комара, алебастр,

полуостров и бархат –
хлопотливый выдался день
А тебе, человек, я дал поручение
придумать для яблока имя.
И вот я его повторяю,
это слово чудесное «яблоко»,
так и этак твержу его вслух
и чувствую, что начинаю любить этот плод,
и его наполняет душистая сладость.
Никогда б не подумал, что имя
изобретенное человеком,
может так понравиться Богу.
Нет, возьму себя в руки,
иначе мне завтра
захочется яблоком стать».

ВЫХОДНОЙ

Сегодня у моих стихов
выходной,
они могут с утра
позволить себе поваляться в постели
и выходят из дома лишь для того,
чтобы стащить за углом на прилавке
пару-другую фантастических фруктов.
Потом, уютно устроившись внутри своих слов,
мои стихи сооружают вселенную
для личного своего пользования.
Завтра
они будут вести себя много серьезней:
по будничным дням мои стихи идут на работу
и подчиняются правилам
нашей реальности